

Научная статья
УДК 070+811.161.1+82-9
doi: 10.17223/26188422/13/5

Языковая рефлексия в репортаже Дмитрия Соколова-Митрича

Ирина Всеволодовна Высоцкая¹,
Леонид Андреевич Гудченко²

^{1,2} *Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия*

¹ *i.vysotskaia@g.nsu.ru*

² *l.goudchenko@g.nsu.ru*

Аннотация. Представлена история изучения идиостиля Дм. Соколова-Митрича, отмечена недостаточная изученность метатекста в журналистских произведениях. Выявлены основные функции рефлексивов в репортаже Дм. Соколова-Митрича: 1) текстообразующая; 2) функция создания коммуникативной среды; 3) характерологическая. Предложена типология с выделением объектов, содержания и формы языковой рефлексии. Авербальная форма метатекста рассматривается авторами как промежуточная между эксплицитной и имплицитной.

Ключевые слова: Дмитрий Соколов-Митрич, идиостиль, медиастилистика, репортаж, портретная журналистика, рефлексив, функция создания коммуникативной среды

Для цитирования: Высоцкая И. В., Гудченко Л. А. Языковая рефлексия в репортаже Дмитрия Соколова-Митрича // Вопросы журналистики. 2023. № 13. С. 80–96. doi: 10.17223/26188422/13/5

Original article
doi: 10.17223/26188422/13/5

Linguistic reflection in the reportage by Dmitriy Sokolov-Mitrich

Irina V. Vysotskaya¹, Leonid A. Gudchenko²

^{1,2} *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *i.vysotskaia@g.nsu.ru*

² *l.goudchenko@g.nsu.ru*

Abstract. The article presents the history of the study of individual style of Dmitriy Sokolov-Mitrich. We note the insufficient knowledge of metatext in journalistic

works. Analyzing reportages by Sokolov-Mitrich, we determine the main functions of reflexives in them: (1) text-forming function, 2) function of creating communicative environment, (3) characterological function. We propose a typology of reflexives with identifying subjects, objects, content, and forms of linguistic reflection. The subject of linguistic reflection in a reportage is the author, the hero or a third person. The object is a word, a phrase or a statement, as well as the manner of speaking, the acoustic effect, communication habits of the hero, etc. Vocabulary of limited use (regional, professional, slang) and of foreign origin, abstract vocabulary, proper names (anthroponyms: personal names, including nicknames of foreign origin, toponyms), as well as precedent phenomena are marked. The content of metatextual comments is reduced to interpreting the meaning of the marked units (through definition, context, selection of a synonym or a metaphor), searching for an equivalent in another language, and selecting the most appropriate lexical and semantic option. Forms of linguistic reflection are explicit (expressed through linguistic means on the text, sentence, or word level) and implicit (hidden). The most frequent form in Sokolov-Mitrich's reportages is the indefinite-personal construction, as well as the authorization modal particle and the meta-operator modal word. The latent form or intertextuality is a direct or indirect reference to another text. We consider the nonverbal form of metatext (expressed by paralinguistic means: italics, font, special design of intratextual headings and quotations) as a form intermediate between explicit and implicit forms. The so-called "fictitious" metatext (clarification of genre, summarized evaluation of one's own text, spoiler) has the function of drawing the reader's attention to the author's intention. The features of Sokolov-Mitrich's individual style are identified: attention to the meaning and sound of the word, language play and, at the same time, conciseness of expression and concentration of meanings. The conclusion summarizes the results and outlines the perspectives of the study. The future of the study, in our opinion, can be outlined in terms of both exploring the individual style of a particular author and the linguistic specificity of the genre, and developing the theory of the metatext. A comparison of the means of creating portraits/images in nonfiction and fiction also seems prospective.

Keywords: Dmitriy Sokolov-Mitrich, individual style, media stylistics, reportage, portrait journalism, reflexives, function of creating communicative environment

For citation: Vysotskaya, I. V. & Gudchenko, L. A. (2023) Linguistic reflection in the reportage by Dmitriy Sokolov-Mitrich. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 13. pp. 80–96. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/13/5

Творчество Дмитрия Соколова-Митрича, обладателя премии Союза журналистов России «Золотое перо» 2018 г., привлекает внимание исследователей. Выделены характерные черты индивидуального авторского стиля (идиостиля) этого автора: 1) гибридизация жанров [1. С. 90]; 2) коммуникативная стратегия парадокса (смещение «плоскости ожидания из предсказуемо поверхностной в парадоксально реали-

зованную») [2. С. 79]; 3) прием непрямо́й коммуникации (подтекстовое содержание проявляется в использовании автором «прецедентных текстов, языковой игры, фразеологизмов, иронии, косвенных речевых актов, метафоры, экспрессивного синтаксиса, повторов, кольцевой композиции и др.») [3. С. 22]. Язык Дм. Соколова-Митрича может изучаться в разных аспектах медиастилистики (объединяющей лингвистику и журналистику). Мы обращались ранее к систематизации стилистических средств создания образа героя в репортажах автора на уровнях текста и слова.

По мнению Г. Я. Солганика, на уровне языка репортажность как существенное качество жанра складывается из сочетания «протокольности изображения действительности» и «сочности и яркости изображения» [4]. Наш материал подтвердил тенденцию к жанровой гибридизации в портретной журналистике и позволил говорить о так называемом «антропоцентрическом» репортаже, основным событием в котором является «встреча с героем и события, которые происходили с героем до встречи и описаны в репортаже ретроспективно» [5. С. 47]. Было предложено квалифицировать такой репортаж как периферийное явление, по сравнению с классическим (событийным), поскольку в нем синтезированы признаки событийного и портретного репортажей. В отличие от портретного репортажа (который исследователи справедливо называют синтетическим жанром [6, 7]), в антропоцентрическом репортаже не только создается образ героя, но и через него раскрывается определенная тема (создание портрета становится не целью, а средством). Герой остается включенным в действительность, в то время как в портретном репортаже она становится для героя, по мнению исследователей, скорее фоном. Мы отмечаем эффект полифонии: в антропоцентрическом репортаже соседствуют голос автора, голос героя и голос третьего лица (в то время как классический репортаж даже при наличии в нем диалога пронизан преимущественно авторским «Я»). Подчеркнем, что типология внутренних разновидностей жанра репортажа в перспективе нуждается в уточнении и более детальном описании, особенно с учетом переходных явлений, сочетающих признаки разных единиц и поэтому размывающих привычные классификационные рубрики.

Исследуя речевой портрет героя в репортажах Дм. Соколова-Митрича [8], мы обратили внимание на яркие проявления метатекстового речевого поведения автора и его героев, что побудило нас обра-

титься к феномену языковой рефлексии. В настоящей работе этот аспект идиостиля Дм. Соколова-Митрича исследуется на материале пяти его антропоцентрических репортажей в «Русском репортере» 2008–2015 гг.: «Табор уходит в веру» (2008. № 49), «Журналист не меняет профессию» (2011. № 44), «Душа фээсбэшника» (2013. № 24), «Мужик работает» (2013. № 47), «Лёша из лавры» (2015. № 15). Нашей целью является выявление функций метатекста, а также структурно-семантическое описание типов рефлексивов и маркируемых ими единиц.

Уточним основные понятия исследования. *Метатекст* понимается традиционно (вслед за А. Вежицкой) как «высказывания о самом высказывании» (*метаязык* трактуется соответственно как язык о другом языке). *Языковая рефлексия* определяется следующим образом: 1) операция метаязыкового сознания по интерпретации какого-либо факта языка или речи; 2) словесно оформленное отражение подобной операции [9. С. 3]. Эти метонимически связанные значения термина представляют и процесс (ср. с термином «метатекстовое поведение» как вид речевого / коммуникативного поведения), и его результат («метатекстовый комментарий», или «рефлексив»). Важно, что понятие языковой рефлексии распространяется на *языковую ситуацию* в целом [10. С. 109].

Метатекст активно изучается (см. историю вопроса в диссертационных исследованиях И. Т. Вепревой, Н. П. Перфильевой, М. Р. Шумариной, Н. А. Батюковой и др.) в связи с проблемами перевода и функционирования текста в разных коммуникативных сферах, прежде всего – в языке художественной литературы (не претендуя на полный обзор, отметим многочисленные работы Н. А. Николиной, посвященные метатексту, в том числе в прозе А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. А. Бунина и других авторов), а также в языке науки, в интернет-коммуникации и пр. Исследований, посвященных метатекстовому комментарию в современной публицистике, значительно меньше [11–14]. Поэтому обращение к метатексту Дм. Соколова-Митрича представляется важным.

Наиболее интересен с точки зрения языковой рефлексии репортаж «Мужик работает». Его герой – «неутомимый шабашник», который берется за любую работу и, по выражению автора, «не вписывается» «в картину мира» костромской деревни. Обратим внимание на неоднозначную номинацию при первом представлении героя: *Юра Смир-*

нов **по кличке Огурец**. В дальнейшем герой называется то по имени, то по прозвищу, которое является объектом авторской рефлексии. Во-первых, закономерным становится объяснение причины возникновения¹ прозвища: *Почему Смирнова стали называть **Огурцом**, не помнит уже никто, кроме его самого и его родной матери. Да и у них версии разнятся*. Интересно, что обе версии называют общий источник с точным указанием авторства, но расходятся в описании ситуации появления прозвища: – ***Это все Валька Попова, – говорит мать. – Он однажды рубероид привез на склад, прыгнул из кабины на землю, смешной такой, как огурец. Вот она первая и стала его так называть.*** / – ***Это все Валька Попова, – соглашается Юрка и тут же делает шаг в другую сторону. – Мы однажды сидели где-то вместе за столом, а я все на огурцы налегал. Вот она первая и стала меня так называть.*** Во-вторых, автор останавливается на особенностях местной коммуникации: ***В этих местах прозвище есть почти у каждого. Обижаться – признак идиотизма. Кличка дается человеку как пропуск в сообщество достойных. Например, крупнейшего местного предпринимателя зовут Штуцер. А есть целое семейство, которое уже на протяжении лет ста от мала до велика зовут Кабанами, Кабанихами, Кабанятами. Живет в Россолове даже один тип, которого все в глаза называют Глупым – и он тоже не обижается.*** Прозвище героя коррелирует с его внешностью: *Да Юрка и впрямь **похож на огурец**. Непонятно чем, но похож. Какой-то весь **кругловатый, кривоватый**, а главное – всегда в тонусе.* Мотив круга актуализирован на уровне лексики (за счет прилагательных *круглый, кругловатый* и за счет многократного повторения прозвища *Огурец*, которое воспринимается как мотивированное), и – особенно ярко – на уровне текста.

Прием кольцевой композиции реализован в повторении слова *пóлно*. В самом начале репортажа оно сопровождается авторским комментарием, характеризующим деревенскую речевую среду: *В местный диалект, изобилующий северным оканьем, дыканьем и восходящими интонационными завитушками, каким-то чудом вплелось дворянское словечко «пóлно». В окружении высококачественной матерщины оно смотрится особенно изысканно...* Актуализирован мотив уникальности: *Собственно, это «пóлно» – единственная веселая*

¹ Отметим, что Юрий-Огурец живет в селе Россолово (первоначально – Россолово), название созвучно слову *рассол / разсол*, не исключена и этимологическая связь. Заметим, что *Юре́ц-Огурец* – известное в детской речи сочетание.

нотка в местной печальной действительности. И герой, и слово диссонируют с окружением. Не случайно слово будто бы сопровождает героя и звучит из его уст в конце текста: Да полно! Не думаю я ни о чем таком. Думать вообще вредно.

Слово в речи героя *чубарики* обуславливает авторское пояснение значения этого профессионализма, которое разворачивается в новую часть репортажа (внутритекстовая рубрика так и называется «Чубарики»): *Они же шабарики. Весьма ценные отходы лесного хозяйства. Прежде чем просто срубленное дерево станет деловой древесиной, ему отрубают сучья и нижнее утолщение, которое портит калибр. Это и есть чубарик – самая плотная часть ствола, идеальное топливо для домашних печей. Этими отходами завалена целая долина, примыкающая к местной пилораме Костромалесхоза. На ней по договоренности с лесозаготовителем и пасется Юрка Огурец.*

Герой репортажа не склонен к рефлексии (в том числе и языковой). Рефлективы встречаются в речи автора и в речи третьего лица (выражающего в данном случае экспертное мнение). Изучающий провинциальное общество профессор Юрий Плюснин, рассуждая о русской трудовой этике, различает понятия «работа» и «труд»: *Работа – это процесс, слабо сопряженный со смыслом. На древнерусском языке это называлось «ломить», «орать». А труд – это действие, изначально обращенное на результат. Труд – это творчество. Чтобы хорошо работать, нужно просто упереться рогом – сила есть, ума не надо. А чтобы хорошо трудиться, нужно быть немного ленивым. Ровно настолько, чтобы не любить лишние усилия.* Эксперт упоминает парадоксальный афоризм: *Русский человек – плохой работник, но хороший труженик. Не случайно именно это слово активно использовала советская пропаганда.* Именно эти фразы, набранные меньшим шрифтом, по сравнению с основным текстом (напоминающие выноски текста), воспроизводит автор в дальнейшем, словно припоминая их в разговоре с Юрием. Так проявляется внутреннее взаимодействие (интратекстуальность [15. С. 154]) фрагментов репортажа: прямая цитата из речи третьего лица прерывает диалог автора с героем и по отношению к реплике героя выступает как немаркированный авторский комментарий¹. Подчеркнем, что противопоставление работы и

¹ Этот прием не единичен: авторский текст может прерываться прямой цитатой предшествующего фрагмента речи героя и т.д.

труда, важное для понимания авторского замысла, акцентирует парадоксальность ситуации: название репортажа *«Мужик **работает**»* контрастирует с формулировкой: *Юркина слабость – неумение грамотно распорядиться результатами своего **труда***.

Последняя часть репортажа с прецедентным названием *«Лирическое отступление»* начинается с цитирования фрагмента повести С. Довлатова *«Компромисс»*, в котором разочарование от мечты погрузиться «в гущу народной жизни» передаётся с помощью выражения *политональные наложения* (в сочетании с обесценизмом). Цитата сопровождается прямым авторским комментарием: *Эпизод, который невозможно не вспомнить при посещении местных полумертвых деревень*. Через несколько строк воспроизводится довлатовское выражение: *Никакой народной жизни. Одни **политональные наложения***. Отметим также интертекстуальный характер прецедентных внутритекстовых рубрик: *Сам себе зарплата* (ср. название телевизионной программы «Сам себе режиссер», 1992–2019); *От работы кони дохнут* (редукция пословицы с разными полными вариантами).

Завершается репортаж троекратным повтором звукоподражания, передающего звуки пилы и молотка: *Вжик-вжик. Тук-тук*. Оно вводит авторский текст, прерывающий последний диалог с героем, выступает как средство описания обстановки, но главное – как показатель интенсивности процесса: *Вжик-вжик. Тук-тук. Дом, который мы облицовываем, стоит на холме... Вжик-вжик. Тук-тук. С верхней притолоки крыльца...* Финальная же фраза представляет собой оценочный рефлексив: *Ну не хочет Юра ничего сказать своей стране! Безнадежный случай. Будем считать, что репортаж не удался. Вжик-вжик. Тук-тук*. Завершающее звукоподражание поддерживает представленный в названии концепт работы. Повторы разного уровня переплетают и уплотняют ткань авторского повествования, и языковая рефлексия является прежде всего механизмом текстопорождения (но не только его).

Этот материал позволил не только проиллюстрировать разные проявления метатекстового речевого поведения, но и выделить основные функции рефлексива (характерные и для других репортажей Дм. Соколова-Митрича): 1) текстообразующую; 2) характерологическую; 3) функцию создания коммуникативной среды. Первые две функции описаны применительно к метатексту в художественной литературе. Функция создания коммуникативной среды (как мы ее

определяем) является в большей степени репортажной, поскольку позволяет достичь необходимого «эффекта присутствия» (а не воображения). Функции характеристики и создания коммуникативной среды взаимосвязаны, поскольку герой и коммуникативная среда коррелируют с понятиями «фигура» и «фон», различия между которыми рассматривается как наиболее простая форма перцептуальной организации [16. С. 37–52]. Эстетическая же, ведущая для художественного текста [17. С. 178], оказывается, на наш взгляд, в репортаже менее значимой.

Если в репортаже «Мужик работает» коммуникативная среда достаточно однородна, то в других репортажах Дм. Соколова-Митрича она более сложная. В качестве примера такого усложнения приведем репортаж «Табор уходит в веру», прецедентный заголовок которого представляет собой трансформ названия кинофильма *«Табор уходит в небо»* (упоминаемого в репортаже) и раскрывает содержание основной коллизии: *Цыган Иванов ради веры в Бога пошел против табора, но табор последовал за ним*. Названия внутренних рубрик интратекстуальны: это прямые или трансформированные цитаты из речи героя. Используется прием цитирования предшествующих фрагментов текста. Коммуникативная среда соединяет национальный и религиозный дискурсы, что обуславливает многочисленные метатекстовые комментарии. Рефлексивы встречаем в речи автора (...на станцию Савелово, а точнее – в Голливуд: так здесь называют цыганский поселок), в речи третьего лица (*В Голливуде у нас живут цыгане венгерские, называются ловари*) и в речи героя: – *А как это будет по-цыгански?* / – *Если к нему обращаться, то «дэвла»*. А просто «Господь» будет «дэвел».

С точки зрения языковой рефлексии особенно показательна заключительная часть репортажа, названием для которой служит прямая цитата из речи героя: «*Лучшим другом Элизбара был Бензин*», порождающая одноименную рубрику (текстообразующая функция). Сначала дан метатекстовый комментарий первого из имен: *Все, кто первый раз встречается с отцом Элизбаром, уверены, что это цыганское имя: спасибо Лойко Зобару, герою фильма «Табор уходит в небо»¹, которого духовное чадо отца Андрея страшно не любит.*

¹ Первоисточник – рассказ М. Горького «Макар Чудра», по мотивам которого снят кинофильм.

На самом деле **Элизбар** – это грузинский святой, живший в семнадцатом веке и принявший мученическую смерть от персидского шаха Аббаса II. Просто по святым в день, когда Эдика Иванова рукоположили в дьяконы, это был **единственный святой, имя которого начиналось на букву «Э»**. Затем автор выказывает удивление по поводу второго имени: – Их было трое, – рассказывает житие святого Элизбара дьякон Иванов. – **Шалва, Элизбар и Бензин... / – Бензин?! Быть не может!** Обращение к письменной форме речи снимает мнимую (вызванную ошибочным восприятием на слух) омонимию имен собственного и нарицательного и обнаруживает уровень коммуникативной компетенции героя, активность которого реализуется преимущественно в устной сфере: *Добравшись до Белого Городка, я первым делом взял в руки «Четьи-Минеи». Бензин, слава Богу, оказался Бидзином, но это простительно: историю своего святого новоиспеченный дьякон воспринимал со слуха.*

Характерологическая функция проявляется также в рефлексии по поводу манеры речи героя (*Дьякон Элизбар произносит слова медленно, нараспев, как будто не говорит, а гадает*) и ее стилистических особенностей (*Он и сейчас порой невольно пугает продавцов в магазине какими-нибудь «еси», «паки», «дондеже» и прочими словами-ископаемыми*). Авторский комментарий, как видим, касается начальной и конечной ипостаси героя.

Подчеркнем, что функция создания коммуникативной среды важна для всех антропоцентрических репортажей Дм. Соколова-Митрича, поскольку его интересует деятельность героя, важным атрибутом которой является профессиональная речь. Профессионализмы создают определенный колорит и употребляются в заголовке, в названиях внутренних рубрик или в самом начале текста, выполняя функцию привлечения внимания читателя. В названии репортажа «Журналист не меняет профессию» использован трансформ прецедентного названия метода эксперимента в журналистике «Журналист меняет профессию», в названии внутренней рубрики – известный штамп: *Награда нашла героя*. Обращает на себя внимание разговорное слово в названии репортажа «*Душа фээсбэшника*», одна из частей которого с названием «*Всё под контролем*» представляет собой развернутый метатекстовый комментарий этого выражения: *Общение с сотрудником ФСБ помогает прояснить значение многих слов и выражений. Взять, например, популярную фразу «все под контролем».*

Оказывается, для гражданских лиц она означает совсем не то, что для бойцов невидимого фронта. В репортаже «Лёша из лавры» три части («Тамада», «Генералы и негритосы» и «Росинант») возникли на основе языковой рефлексии. Их названия основаны на окказиональных значениях слов в определенной речевой ситуации. Характерологическая же функция рефлексива (казалось бы, основная в антропоцентрическом репортаже) проявляется в меньшей степени, особенно если герой немногословен или ушел из жизни (как в репортаже «Лёша из лавры»).

Охарактеризуем маркируемые рефлексивом единицы в нашем материале. **Объектом языковой рефлексии** является слово, словосочетание или высказывание. Все эти типы представлены в репортаже «Лёша из лавры»: 1) *...в скудельницу (так называли в те времена кладбище для бездомных)*; 2) *«Лешкины ряды» – это квартал на Благоещенском кладбище, где похоронены больше тысячи безымянных людей*; 3) *«В таких случаях Алексей помогает, надо его просить»*, – говорили между собой лаврские монахи и прихожане, не замечая, что обычно так выражаются, когда речь идет о святых.

Авторских пояснений требует лексика ограниченного употребления и иноязычного происхождения, абстрактная лексика, а также имена собственные. В состав маркируемых единиц входят: 1) регионализмы (*пóлно*); 2) профессионализмы (*чубарики*); 3) жаргонизмы (встречается сленг семинаристов, монахов, могильщиков и др.); 4) абстрактные лексемы (*труд, работа, коррупция*); 5) антропонимы: личные имена, в том числе иноязычного происхождения (*Элизбар*); 6) прозвища (*Огурец*); 7) топонимы (*Голливуд*); 8) прецедентные феномены¹: имена (*Росинант*), названия («*Табор уходит в небо*»), высказывания (*Лишних людей не бывает*). Кроме того, объектом рефлексии выступают манера речи (*бормочет себе под нос*), акустический эффект (*Вжик-вжик. Тук-тук*), коммуникативная привычка (*Алексий всегда называл свою маму на «вы»*) и т.п.

Охарактеризуем содержание и форму рефлексивов в репортажах Дм. Соколова-Митрича.

Содержание метатекстового комментария сводится преимущественно к уточнению значения слова. В отношении маркируемой единицы рефлексивы выполняют разные функции:

¹ См. типологию прецедентных феноменов [18].

1) толкование значения:

а) посредством дефиниции: *В этой касте действует двухступенчатая иерархия: есть так называемые генералы и есть негритосы. Генералы – это могильщики со стажем, они мало машут лопатой, зато много получают. Негритосы – наоборот* («Лёша из лавры»);

б) контекстное: – *А вот и он! Белый куб. / В среду из типографии в редакцию доставляют большой бумажный постамент – тираж очередного номера...* («Журналист не меняет профессию»);

в) синонимическое: *Чтобы стать священником, нужно срочно жениться. Среди семинаристов началась эпидемия свадеб. Сергея, как самого бойкого и артистичного, постоянно звали тамадой. Он пережил всех своих друзей, но сам решения не поменял. Когда после пострига его рукополагали в дьяконы, кто-то из друзей заметил: «Дьякон в переводе с греческого – служитель. Его задача – делать службу красивой и запоминающейся, взывать к молящимся, оглашать главы из Евангелия. То есть теперь ты, Серега, будешь у нас тем же тамадой – только в храме»* («Лёша из лавры»);

г) метафорическое: *А кандидатская – это по сути дела пропуск в мир больших должностей и званий* («Лёша из лавры»);

2) поиск эквивалента в другом языке: *Рыба – это слово у цыган означает примерно то же, что у нас «бугай, мачо, мужик»* («Табор уходит в веру»);

3) подбор наиболее уместного лексико-семантического варианта: – *В ФСБ нет коррупции. / – А как же тогда называется налаживание супружеского бизнеса? / – Это называется рациональным использованием знаний о данной местности* («Душа фээсбэшника»).

Метатекстовый комментарий выявляет смешение узального и окказионального значений, элементы языковой игры, эвфемизации и пр.

Форма метатекстового комментария. Предлагаем противопоставить эксплицитную (явную) и имплицитную (скрытую) формы языковой рефлексии.

Эксплицитная (выраженная лингвистическими средствами) форма связана с уровнем текста (примеры фрагментов и частей текста см. выше), предложения или слова. По нашим наблюдениям, самой распространенной формой в репортажах Дм. Соколова-Митрича является неопределенно-личная конструкция, например: *Электричку из Москвы в народе называли «зеленой иглой»: в последний вагон нормаль-*

ные люди не садились – в нем ехали только наркоманы («Табор уходит в веру»). Указание на совокупный источник (*в народе*) представляющий определенное языковое сообщество, выполняет функцию формирования коммуникативной среды. Авторизационные модальные частицы (*мол; дескать*) и модальные слова, метатекстовые операторы (*точнее; честно говоря; можно сказать*) достаточно редки, они являются средством характеристики героя или третьего лица.

Как имплицитную (не выраженной лингвистическими средствами) форму языковой рефлексии квалифицируем интертекстуальность, или отсылку к другому тексту, на который автор считает возможным обратить внимание читателя. Эта отсылка выражается прямо (как в случае в «Компромиссом» С. Довлатова) или, гораздо чаще, косвенно, когда автор никак не маркирует цитату (прямую или трансформированную): *Кажется, пришло время поговорить о горячем сердце и чистых руках* («Душа фээсбэшника»). Как прецедентные могут восприниматься названия внутритекстовых рубрик: *Котлован; Спать хочется* («Лёша из лавры»); *Обыкновенное чудо* («Журналист не меняет профессию»). Интересно сочетание прямой и косвенной отсылки: *Видя рвение отца Алексия, монастырское начальство выделило ему автомобиль – старую «газель» бордового цвета, которую монахи тут же окрестили лошадиным именем. Росинант – так звали коня Дон Кихота* («Лёша из лавры»). Указание на роман Сервантеса более явное, чем на рассказ Чехова «Лошадиная фамилия».

Анализ языка репортажей Дм. Соколова-Митрича позволяет высказать предположение, что как промежуточную между эксплицитной и имплицитной формами выражения языковой рефлексии можно квалифицировать авербальную форму (выраженную паралингвистическими средствами). Языковая рефлексия сводится к выделению автором маркируемой единицы, но не к комментированию в прямом смысле слова (ср. с пометкой на полях). Авербальный метатекст – это маркировка с помощью пунктуационного знака (кавычек), курсива¹, шрифта и пр. В репортаже «Журналист не меняет профессию» основной текст чередуется с напечатанными курсивом фрагментами журналистских материалов, в том числе – посвященных героине. Отмеченные выше (см. «Мужик работает», «Табор уходит в веру») метатекстовые названия рубрик и цитаты предшествующей реплики героя

¹ О функциях авторского курсива см.: [19].

или фрагмента авторского текста (по аналогии с выделенными для ответа или комментирования репликами в чате) визуальнo отделены от основного текста шрифтом. Названия рубрик и цитаты, типичные для определенных жанров (дискурсов), проявляют нелинейность повествования, гипертекстовую организацию репортажа. Маркируемая единица выступает как средство интратекстуальности, повтор которой обеспечивает внутреннюю связность текста, задает и поддерживает в нем определенный ритм.

Интересно, что в некоторых репортажах выражено авторское отношение к собственному тексту. Это может быть указание на жанр: *...можно писать **жизние**; «Русский репортер» решил попробовать («Лёша из лавры»); итоговая оценка: Будем считать, что репортаж не удался («Мужик работает»); оценка-анонс (спойлер): **Этот текст – результат неудачной попытки серьезного расследования того, что сейчас происходит в ФСБ («Душа фээсбэшника»).** Рефлексив здесь, скорее, фиктивный [14], он выполняет функцию привлечения внимания читателя к авторскому замыслу (но не языку!).*

Таким образом, наш материал подтверждает представление о склонности Дм. Соколова-Митрича «шифровать свои высказывания» [3. С. 20], точнее – о его предпочтении скрытых смыслов прямым.

Подведем итоги.

1. Определены функции рефлексивов, которые в антропоцентрическом репортаже Дм. Соколова-Митрича выполняют прежде всего текстообразующую роль и функцию создания коммуникативной среды, на фоне которой представлена фигура героя репортажа, а также характерологическую функцию.

2. Наш материал позволяет выделить в известной оппозиции эксплицитного и имплицитного метатекста как промежуточный между ними авербальный метатекст, выраженный паралингвистическими средствами: курсивом, шрифтом, особым оформлением внутритекстовых рубрик и цитат.

3. Так называемый «фиктивный» метатекст (уточнение жанра, итоговая оценка собственного текста, спойлер) выполняет функцию привлечения внимания читателя к авторскому замыслу.

4. Языковая рефлексия в репортаже Дм. Соколова-Митрича позволяет выявить такие черты его идиостиля, как внимание к значению и звучанию слова, языковой игре и вместе с тем – лаконизм выражения и концентрацию смыслов, что проявляется в краткости эксплицитного

метаязыкового комментария и в широком использовании его авербальной и имплицитной форм.

Представляется перспективным сопоставление средств создания портретности / образности в журналистике и в художественной литературе. Подчеркнем, что речевая характеристика героя является ярким средством создания его портрета в журналистике, образа – в литературе. Обратим внимание и на различия, обусловленные реальностью героя репортажа и виртуальностью (даже при наличии прототипа) персонажа художественного произведения: в журналистике речь в большей степени документальна (хотя, разумеется, автор акцентирует наиболее яркие речевые черты героя), в то время как в художественной литературе используется прием стилизации разговорной речи. Заметим, что медиастилистический аспект изучения журналистского произведения важен для характеристики его автора. Языковая личность Дм. Соколова-Митрича ждет своего системного описания.

Список источников

1. *Авдонина Н. С., Малахова А. М.* Особенности формата «человеческий документ» в публицистике Дмитрия Соколова-Митрича // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2019. № 1. С. 89–93.

2. *Панова Е. Ю.* Коммуникативная стратегия парадокса как средство медиатизации (на материале медиатекстов Дм. Соколова-Митрича) // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 77–84.

3. *Верещагина Н. О., Булатова Э. В.* Языковые средства непрямой коммуникации в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича // Известия Уральского федерального университета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». 2014. Т. 132, № 4. С. 19–28.

4. *Солганик Г. Я.* Стиль репортажа. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 74 с.

5. *Высоцкая И. В., Гудченко Л. А.* Языковые средства создания антропоцентрического репортажа Дм. Соколова-Митрича // Вестник государственного социально-гуманитарного университета. 2023. № 1 (49). С. 45–53.

6. *Зеленина Е. В.* «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты // Вопросы теории и практики журналистики, 2014. № 2 (6). С. 33–52.

7. *Амиров В. М., Щепеткина Ю. М.* Конструирование образа героя в синтетическом жанре портретного репортажа // Известия Уральского федерального университета. Серия 1 «Проблемы образования, науки и культуры». 2018. Т. 24, № 3 (177). С. 39–46.

8. *Гудченко Л. А.* Речевой портрет героя в журналистских текстах Дмитрия Соколова-Митрича // Материалы международной научно-практической конфе-

ренции «Язык и личность в полидисциплинарной перспективе». М. : Агентство социально-гуманитарных технологий, 2022. С. 89–90.

9. *Шумарина М. Р.* Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 47 с.

10. *Шмелева Т. В.* Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. I (VIII). Красноярск, 1999. С. 108–109.

11. *Вепрева И. Т.* Метаязыковой комментарий в современной публицистике: типология и причины вербализации языкового сознания // Известия АН. Сер. лит. и языка. 2002. Т. 61, № 6. С. 12–21.

12. *Батюкова Н. А.* Говоря современным языком (рефлексивы в современных средствах массовой информации) // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 2007. № 5. С. 156–161.

13. *Уздинская Е. В.* Метатекстовые конструкции и особенности их использования в современных газетных текстах // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. Саратов, 2014. С. 54–76.

14. *Высоцкая И. В., Марьянчик В. А.* Метатекст и речевая маска автора (на примере жанра колонки) // Вестник НГУ. Серия «История, филология». 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 180–193.

15. *Сыров И. А.* Способы реализации категории связности в художественном тексте. М. : МПГУ, 2005. 277 с.

16. *Радбиль Т. Б.* Когнитивистика. Нижний Новгород : Нижегородский ун-т, 2018. 375 с.

17. *Николина Н. А.* Типы и функции метаязыковых комментариев в художественном тексте // Семантика языковых единиц : доклады V Международной конференции. М. : СпортАкадемПресс, 1996. Т. 2. С. 178–180.

18. *Высоцкая И. В.* Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 117–137.

19. *Высоцкая И. В.* Функции авторского курсива в романе Л. Толстого «Анна Каренина» // Критика и семиотика. 2010. Вып. 14. С. 134–142.

References

1. Avdonina, N.S. & Malakhova, A.M. (2019) Osobnosti formata “chelovecheskiy dokument” v publitsistike Dmitriya Sokolova-Mitricha [Features of the “human document” format in the journalism of Dmitry Sokolov-Mitrich]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 1. pp. 89–93.

2. Panova, E.Yu. (2016) Kommunikativnaya strategiya paradoksa kak sredstvo mediatizatsii (na materiale mediatekstov Dm. Sokolova-Mitricha) [The communicative strategy of paradox as a means of mediatization (based on media texts by Dm. Sokolov-Mitrich)]. *Chelyabinskiiy gumanitariy*. 2 (35). pp. 77–84.

3. Vereshchagina, N.O. & Bulatova, E.V. (2014) Yazykovye sredstva nepryamoy kommunikatsii v mediatekstakh Dm. Sokolova-Mitricha [Language means of indirect communication in media texts by Dm. Sokolov-Mitrich]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 132 (4). pp. 19–28.
4. Solganik, G.Ya. (1970) *Stil' reportazha* [The reportage style]. Moscow: MSU.
5. Vysotskaya, I.V. & Gudchenko, L.A. (2023) Yazykovye sredstva sozdaniya antropotsentricheskogo reportazha Dm. Sokolova-Mitricha [Language means of creating Dm. Sokolov-Mitrich's anthropocentric reportages]. *Vestnik gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta*. 1 (49). pp. 45–53.
6. Zelenina, E.V. (2014) “Portret geroya”: tsennostno-smyslovye i tvorcheskie aspekty [“Portrait of a hero”: value-semantic and creative aspects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2 (6). pp. 33–52.
7. Amirov, V.M. & Shchepetkina, Yu.M. (2018) Konstruirovaniye obraza geroya v sinteticheskom zhanre portretnogo reportazha [Construction of the hero's image in the synthetic genre of portrait reportage]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 24:3 (177). pp. 39–46.
8. Gudchenko, L.A. (2022) [Speech portrait of the hero in journalistic texts by Dmitry Sokolov-Mitrich]. *Yazyk i lichnost' v polidistsiplinarnoy perspektive* [Language and personality in a multidisciplinary perspective]. Proceedings of the International Conference. Moscow: OOO “Agentstvo sotsial'no-gumanitarnykh tekhnologiy”. pp. 89–90. (In Russian).
9. Shumarina, M.R. (2011) *Metayazykovaya refleksiya v fol'klornom i literaturnom tekste* [Metalanguage reflection in the folklore and literary text]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Shmeleva, T.V. (1999) Yazykovaya refleksiya [Language reflection]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of speech communication]. Vol. I. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 108–109.
11. Vepreva, I.T. (2002) Metayazykovoy kommentariy v sovremennoy publitsistike: tipologiya i prichiny verbalizatsii yazykovogo soznaniya [Metalanguage commentary in modern journalism: typology and reasons for the verbalization of linguistic consciousness]. *Izvestiya AN. Ser. lit. i yazyka*. 61 (6). pp. 12–21.
12. Batyukova, N.A. (2007) Govorya sovremennym yazykom (refleksivy v sovremennykh sredstvakh massovoy informatsii) [Speaking a modern language (reflexives in modern media)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 5. pp. 156–161.
13. Uzdinskaya, E.V. (2014) Metatekstovye konstruksii i osobennosti ikh ispol'zovaniya v sovremennykh gazetnykh tekstakh [Metatext constructions and features of their use in modern newspaper texts]. In: Cheremisina, L.I. (ed.) *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Vol. 14. Saratov: SSU. pp. 54–76.

14. Vysotskaya, I.V. & Mar'yanchik, V.A. (2020) Metatekst i rechevaya maska avtora (na primere zhanra kolonki) [Metatext and the author's speech mask (on the example of the column genre)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 19 (6). pp. 180–193.

15. Syrov, I.A. (2005) *Sposoby realizatsii kategorii svyaznosti v khudozhestvennom tekste* [Ways to implement the category of coherence in a literary text]. Moscow: MPSU.

16. Radbil', T.B. (2018) *Kognitivistika* [Cognitive science]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.

17. Nikolina, N.A. (1996) [Types and functions of metalanguage commentaries in a literary text]. *Semantika yazykovykh edinits* [Semantics of language units]. Proceedings of the V International Conference. Vol. 2. Moscow: SportAkademPress. pp. 178–180. (In Russian).

18. Vysotskaya, I.V. (2013) Spornye voprosy teorii pretsedentnosti [Controversial issues of the theory of precedence]. *Kritika i semiotika*. 1 (18). pp. 117–137.

19. Vysotskaya, I.V. (2010) Funktsii avtorskogo kursiva v romane L. Tolstogo "Anna Karenina" [Functions of the author's italics in Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina"]. *Kritika i semiotika*. 14. pp. 134–142.

Информация об авторах:

Высоцкая И. В. – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и истории журналистики Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: i.vysotskaia@g.nsu.ru

Гудченко Л. А. – студент отделения журналистики гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: l.goudchenko@g.nsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I. V. Vysotskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: i.vysotskaia@g.nsu.ru

L. A. Gudchenko, student, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: l.goudchenko@g.nsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.03.2023;
одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 10.06.2023*

*The article was submitted 27.03.2023;
approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 10.06.2023.*